

АЛЕКСАНДР СОКУРОВ:

Культура. 1999. 3-9 июня. С. 8

С серьезными работами в Канн ездить не надо

Не знаю, есть ли в отечестве нашем человек, который двадцать с лишним лет назад, увидев полнометражный дебют вчерашнего вживца "Одинокий голос человека", мог предположить, что этот режиссер будет идти по Каннской лестнице: "противоположным" этому "магниту" творчество СОКУРОВА казалось всегда. С другой стороны, невозможно отрицать, что благодаря и ему, Сокурову (как и еще, допустим, десятку киноавторов в мире), самый важный фестиваль планеты еще имеет возможность показать нечто совершенно отличное от обыденного и не превратиться в золотой памятник самому себе. И вот они встретились. Мы разговаривали с Александром Николаевичем за десять часов до того, как стали известны итоги фестиваля.

— Я ехал в Канн работать — с прессой. Был там примерно два с половиной дня, дал более восьмидесяти интервью, устраивались и специализированные "круглые столы" по нашему фильму.

— Что больше всего интересовало ваших собеседников? Достигнуто ли понимание, на которое рассчитывали?

— Да, конечно. Вопросы встречались чрезвычайно глубокие, интересные — исторические, киноведческие. Хорошо фильм и смотрели — после стоя нам аплодировали и кричали "браво!". Был показ в десять вечера, с дорогими билетами, все пришли в вечерних костюмах... И не всем этим людям комфортно было смотреть на свое европейское прошлое, а может, и настоящее. Прессе показывают фильм в восемь утра, бесплатно. Иные спят, иные с похмелья. Конечно, кто-то ушел в начале — естественная фестивальная ситуация, надо много успеть, картин много — пришли, взглянули на стилистику и убежали. Но свою задачу — помощь в продвижении картины — я выполнил.

— Отклики появились потом хорошие?

— Да, в этом смысле проблем не было. Но встречались и отрицательные отзывы — мне кажется, от целенаправленного нежелания понимать: журналисты знают, что нужно их газетам...

— Конечно, "Молох" выпал из общего ряда...

— Да. Я сказал одному из руководителей фестиваля Жилю Жакобу: "Вы понимаете, что это вынужденное решение?" Потому что дальше делать вид, что нет такого кинематографа, они не могут. А он сказал, что надеется теперь видеть мои фильмы в Канне каждый год. "Это возможно лишь в том случае, если фестиваль будет меняться". На что последовал ответ: безусловно, меняться будет — если он, Жакоб, останется на своем месте... И все же, мне кажется, что с серьезными работами ездить в Канн не надо. Там давно определились, что такое кино. И неоднократно ломали судьбы талантливых режиссеров.

Впрочем, это очень сложный, тонкий вопрос... Главное для европейцев — дизайн, а не художественность... Режиссеру там делать нечего — это место для продюсеров.

— Вероятно, режиссеры едут туда потому, что, получив приз, легче собрать деньги на следующую постановку...

— Нет, если с тобой работали до Канна, то будут и дальше работать. Хотя, может быть, некоторым фондам, дающим деньги на кино, в случае успеха в Канне и легче сориентироваться. Вообще две причины есть для того, чтобы стремиться сюда. Первая — поли-

тическая. Это важно для страны, для положения национальной кинематографии в мировом прокате. И вторая — важно для конкретных продюсеров и прокатчиков, здесь очень большой кинорынок. В этом смысле для российского кино огромное значение имеет то, что мы второй год подряд в конкурсе. Ведь на Западе все уверены, что наше кино в развалинах, а мы здесь все — как пауки на руинах. И наша пресса, надо сказать, очень успешно поддерживает это восприятие. Между тем Германия который год не представлена в Канне — не может пробиться. То есть наше кино живет и не уступает никому по основным критериям. Но оно иное по корневым параметрам — вот что важно.

Вообще там чувствуется раздражение по отношению к России. Дистанция между нами и Европой уже и гуманитарного порядка. Не знаю, может, из-за Югославии... Мы будто расстаемся с Европой — возникли необратимые процессы. Я очень это чувствую.

— Это выражается и в реакции на фильм?

— Для них страница нацизма перевернута. Возвращаться серьезным образом, в том числе к фашизму, европейцы не желают, все забыто. При этом были претензии, что никак не развернута сексуальная история Адольфа Гитлера, что в ней не копаются, что нет патологии... Это потому, что они не желают разбираться в серьезных причинах психологического порядка, в оттенках характера...

— А какой общий образ фестиваля — монстр? Удав?

— Суета. Но я практически ничего не видел. Море — вечером, с балкона в гостинице. С утра — блокноты, объективы. Диктофоны.

Никого не хочу унижать, но Канн — это рынок. Рынок, но не простой, а церемониальный. И это отвечает тому, что есть Европа сегодня, — огромное число товаров, чисто... Страны борются за место в торговом ряду.

— Все на продажу?

— Не знаю... Зрелище драматичное, если не трагичное. Но "вина" не столько организаторов фестиваля, сколько западной кинематографической среды, прессы. Некоторые американские журналисты (американские критики самые злобные, у них реакция, как у нашего обывателя на симфоническую музыку, — негативная по определению) высказывались в таком смысле: кто дал Сокурову право выйти на территорию, где американцы еще не бывали, — в пространство (условно) Гитлера и Евы Браун?

— Поразительно.

— Поразительно просто. В крупном магазине все устроено просто — никакой тайны нет. За каждой витриной — смертельная рыночная

борьба. Они все понимают — если выделять такого рода произведения, как "Молох", — надо менять лицо и остальным.

— Они не хотят и не умеют — иначе можно вылететь из структуры?

— Наверное, обе причины. Это видно по составу жюри. Там личности, которые умеют ценить качественный товар, поскольку в Канне показываются картины, которые имеют свои достоинства. А конкурс — это игры.

А вечером произошло то, что произошло. Корреспондент НТВ в Париже сообщил в прямом эфире, что приза за лучший сценарий удостоены сценаристы Юрий Арабов и Марина Коренева. Юрия Николаевича Арабова, постоянного соавтора Сокурова начиная с "Одинокого голоса...", уважают в профессиональных кругах все. Марина Коренева, квалифицированная филолог, отлично поработала с Сокуровым. Все отражено в титрах: "Автор сценария — Юрий Арабов. Перевод на немецкий язык и работа с актерами над диалогами — Марина Коренева". Но неправильную информацию повторили затем едва ли не все газеты и агентства, звучало "сценаристы", "драматурги"... Началось выяснение причин ситуации (только 28 мая из Канна пришли сами дипломы с официальными формулировками, удостоверяющими приз). Оказалось, ошибка — из фестивального каталога. Господин Ричард Лорманд, представитель компании "Целлулоид Дримс" — владельца мировых прав на фильм, — 27 мая прислал режиссеру письмо, где, в частности, говорится: "Я с горьким чувством сообщая Вам, что включение имени Марины Кореновой в награду за лучший сценарий явилось результатом того, как я заполнил анкету Каннского фестиваля. ...Исходя из того значения, которое было ей отведено в конечных титрах картины, я счел, что она не может остаться не упомянутой в каталоге фестиваля. Каталог же, который не так подробен, как пресс-буклет, явился для жюри и для фестиваля основанием для формулировки приза". Ричард Лорманд приносит свои извинения Александру Сокурову. "Я хотел бы также направить мои извинения г-ну Арабову, который в результате не получил в полной мере той почести, которую он так справедливо заслуживает. Я хотел бы также выразить мое глубочайшее сожаление по поводу неловкой ситуации, в которую я поставил Марину".

Беседу вела
Ольга ШЕРВУД

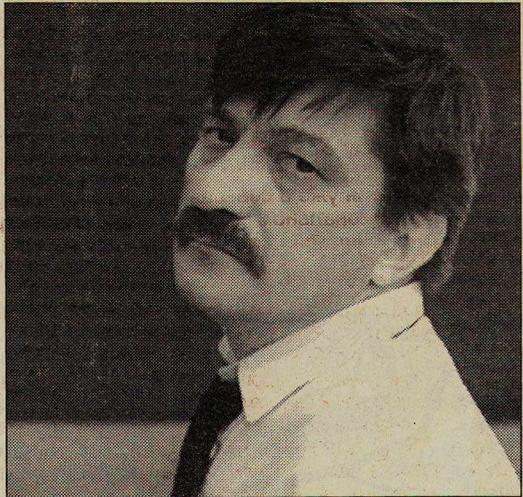

Фото: В. РОСНОЛ